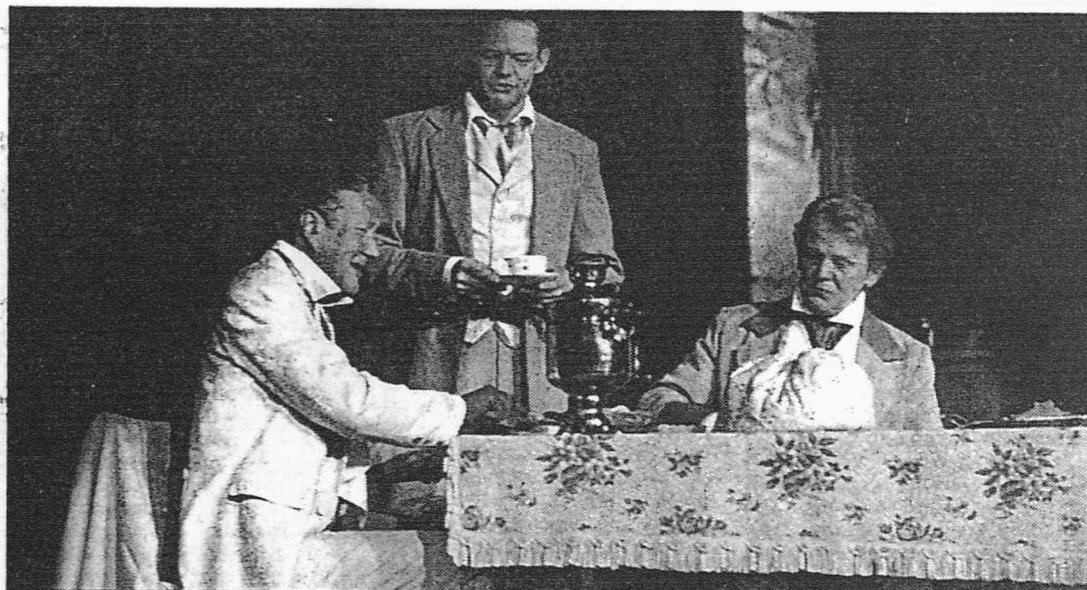

Курьелу/24. - 1998 - 15 - 21 02 07. - 0.12

В Исландии тепло, в России холодно

“Отцы и дети”. Театр Рейкьявика

Исландия, оказывается, стоит на первом месте по изданию книг на душу населения. Идея поставить тургеневских “Отцов и детей” с помощью русского режиссера Алексея Бородина и русского художника Станислава Бенедиктова возникла у руководителя рейкьявикского театра Торхилдур Торлейвсдоуттер. В отличие от родного Бородину и Бенедиктову Российского Молодежного театра, где был только что показан этот спектакль, Театр Рейкьявика – не молодежный, так сказать, взрослый. И “Отцов и детей” наверняка нет в школьной программе. Вследствие чего культпоход тинейджеров на спектакль вряд ли мог наблюдаться там. Это специфическое удовольствие досталось участникам спектакля в Москве, в городе, который мы все еще продолжаем считать самым читающим в мире. Юность смеялась на “Отцах и детях” с энтузиазмом первооткрывателей. Особое предпочтение отдавала любовным сценам. Целомудрие, с коим выписаны последние классиком и поставлены режиссером, с лихвой восполнялось молодым воображением. Помогли архаичные лингвистические обороты типа “мы с вами сошлись” или “я не удовлетворена”. Вряд ли по-исландски эти старорусизмы звучат столь же двусмысленно. Отчего сочувствие иноземным артистам резко возрастает, как подумаешь, в какое недоумение пришли они от такой реакции зала. Впрочем, неопиты были столь же щедры на благодарные аллодисменты. Хлопали на каждый выход и уход, что навело на мысль: наши “отцы” вырастили радостное поколение потребителей шоу, не ведающих законов театра. Очень своевременно написал Тургенев книгу. И столь же адекватно поступил А.Бородин, поставив ее за пределами российских молодежных пенат.

Однако как свежо и точно звучит текст! Как умно и человечно играют благополучные исландцы несчастных российских помещиков и разночинцев. Как по-детски чисто, без надрыва поют романсы. Как держат мхатовские паузы, вкусно разыгрывают психологические детали. Как хорошо знакомы с понятием сверхзадачи, с основами того, чему на днях отпразднует 100-летие усталый российский театр.

Северный темперамент насы-

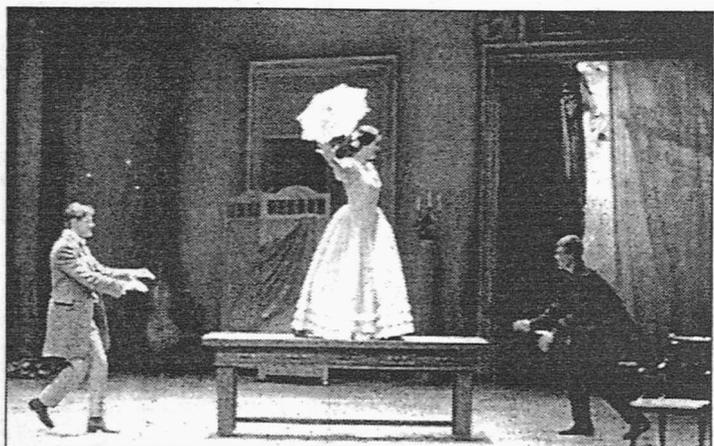

Фото М. ГИТЕРМАНА

Сцены из спектакля

тил теплом холодные российские просторы. Декорация С.Бенедиктова – сильный и емкий образ продуваемых ветрами пространств и жестоко сломанных времен. Желто-пепельные стены кирсановского дома не греют. Слишком большие территории не обживаются, разбиты на уголки и островки обитания. Длинный стол двигают по сцене сами герои, обретая за ним недолгую иллюзию сообщества. Сойтись по-настоящему, принять и понять ближнего не дано никому. Василий Иванович Базаров, три года не видевший сына, сидит с ним за одним столом и сияет от счастья, переполненный жаждой общения. Молодежь тем временем жадно поглощает нехитрую деревенскую еду и вполуха слушает стариковские разглагольствования. Поели – ушли. Пьетр Эйнарсон в роли отставного лекаря хорошо обыгран. Исполнен глубочайшей внутренней работы, благороден, деликатен, и мужествен и немощен одновременно. Сыгранны и отцовская гордость пополам с горечью, и старомодный идеализм, и абсолютное чувство собственного достоинства. Смотришь на замечательного актера из далекой и сытой Исландии и невольно думаешь: российскому его коллеге, издерганному жизнью, где найти для этой роли тепло, несуетность и глубину?

Евгений Базаров – Кристиан Франклин Магнус – фигура явно современная и узнаваемая. Высок, стрижен ежиком, сживает, закинув ногу на ногу, рот после обеда рукавом отирает. Но за внешней оболочкой – снова объем и противоречие. Он интересен, этот нигилист, он всякий раз дру-

гой: наглость оборачивается ранимостью, бравада – растерянностью, всезнайство – неведением. Он безоружен перед Одинцовой, чью хрестоматийную холодность и леность Халлдора Гейрхарсдоуттир меняет на живость, остроумие и лукавство. Дуэт такой Одинцовой с таким Базаровым тем желаннее и тем обреченнее, что его составляют незаурядные натуры. Горький привкус драмы возникает внезапно. “Крутой” герой обнаруживает при встрече с Одинцовой комплекс, куда более запятанный, нежели тщательно скрываемое желание любви. Она – аристократка, он – плебей. Она – грациозна и раскованна, он – скован и неуклюж. Вальс накатывает в спектакле как всепобеждающий танец жизни. Он кружит по сцене Анну Сергеевну в паре с Кирсановым-младшим, оставляя нашего героя побоку, ошеломленного и придавленного. Этот вальс – сверторма и сверхсмысл всей истории, жестокая победная сила природы, той самой, которая, вопреки Базарову, не “мастерская”, но и не “храм”. Стихия, никому и ничему не подвластная. В финале вальс повторяется. Он кружит Базарова с Анной, а герой обретает грацию и свободу, несвойственные ему при жизни.

На этой трагико-элегической ноте и опустить бы занавес. Не поминать усопшего добрым тургеневским послесловием. Не “литературить” той трепетной и горячей жизни, что три часа царила на сцене. Впрочем, юным неандертальцам в зрительном зале полезно послушать то, что так и не привелось почитать.

Наталья КАМИНСКАЯ